

Бодной мысли это доказывает беспочвенность всего построения.

И действительно, как можно серьезно относиться к идейным установкам Боранецкого, когда он, например, отрицает историчность факта жизни Христа на земле, установленного свидетельствами современников. Ведь даже дтенсты не отрицают этого. Полное непонимание христианства проявляет Боранецкий, утверждая, что христианство, это — религия слабых и что оно обращается к убожеству человека и его немощи. Как можно говорить о немощности и убожестве, знакомясь с житиями Сергия Радонежского, Андрея Боголюбского, Александра Невского и даже с более близкими примерами — жизнью Русской Церкви за последние два десятилетия.

Подлинное величие и могущество духа, именно духа, в подвигах святых и исповедников Православия, а не в горделивом самопревозношении человека и своих возможностей, столь ограниченных по существу.

Я далек от мысли спорить с Боранецким. Вопрос не в доказательствах, а в вере, а «как вы можете верить, когда друг о друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Иоанна, 5,44).

Можно только пожалеть, что, говоря о христианстве, Боранецкий не постарался глубже его понять, почему и суждения его весьма легковесны.

Не может Боранецкий и в других оценках выйти из рамок официально - установленных в сегодняшней России.

Просто неприлично говорить об Императоре Николае II, поставившем свой долг перед родиной выше своей жизни и жизни своей семьи и принявшего мученический конец за свой народ, как о человеке, «губившем все», «беспомощно - жестоком», и

сохранять за ним элитет, данный его убийцами — «с кровавым».

Все это очень печально, т. к. мы знаем, что Боранецкий много работал: и искренно ищет правду и любит Россию.

В этой же книге Боранецкий беспощадно бичует всех предателей Русского народа, готовых идти против большевиков со злейшими врагами родного народа. «Пора посмотреть на это, как на уголовное», читаем мы в «Третьей России», Глубокая вера в живые силы русского народа звучит в его статье: «К врагам русского народа», где автор высказывает твердую уверенность в то, что русский народ сам сумеет расправиться «не только со своими внутренними врагами и прежде всего со своими теперешними коммюнистскими тюремщиками и удушителями», но и с внешними врагами.

К сожалению, в связи с другими статьями, эта последняя теряет много в своей убедительности.

Будем надеяться, что П. С. Боранецкий, так любящий свой народ, обретет, в конце концов, и тот дух, которым жил этот народ в продолжение всей своей славной истории, Дух Православия, определявший его устремления и всегда побеждавший все ложное и чуждое.

Сергей Булацель.

«ГРАНЬ». № 1. 1939. Париж.

Ном. первый и, даст Бог, не последний нового журнала очень не велик по своим размерам. Но в нем — несколько отделов, в том числе и литературный.

Все, что в этом номере соответствует почтением по своему характеру заданиям производит очень благоприятное впечатление. Но тем досаднее констатировать, что новый журнал не сумел возвыситься над дрягми и грязью давно уже всем опротивевшей всеэмигрантской гряз-

ни — такой бессмысленной, вредной и, в конечном итоге, унижительной для всех: целые страницы заняты в нем сплетнями и выпадами, часто даже личного характера. Неужели нельзя было заполнить такую маленькую книжечку более серьезным материалом?

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу статьи И. Я. Савича: «Рождение доктрины», которая по некоторым признакам является как бы программной для журнала. В этой статье слова: идея, идеология, мировоззрение, доктрина употребляются, как синонимы. Не совсем ясно, рассчитывает ли автор, что «новая» «Российская» доктрина «родится» сама собою, как бы в результате стихийного процесса или ее нужно «открыть», либо «создать». В эмиграции уже с давних пор все говорят об идее, идеологии, мировоззрении... Чаще, — именно о необходимости создать идеологию, и при этом — для тех или иных конкретных политических надобностей. Мне думается, что давно уже пора спросить себя, что, собственно говоря, следует понимать во всех этих разговорах и планах под идеологией, какими бы словами она ни обозначалась. Тем более, что все эти слова в наше время поневоле ассоциируются с понятиями тоталитарности, однопартийной диктатуры, единого вождя... Таким образом создался бы круг вопросов, который дал бы, взамен отвлеченным мечтаниям о какой-то таинственной идее, материал для более конкретного исследования. В процессе этого исследования могла бы, пожалуй, и на самом деле «родиться», в каком-то смысле, «доктрина». Но при этом никогда не следует забывать, что все наши идеологические исследования и вообще все наши искания должны быть подчинены одному верховному стремлению: к истине; в противном случае они просто потеряют всякий

смысл. И больше всего должны мы бояться подмены этого стремления приверженностью или, напротив, неприязнью к тем или иным словам; именно, словам. Эта подмена всегда связана с бессознательным отказом от проникновения в самую суть вещей; а выражается она в наше время чаще всего в таких критериях, в которых «оживает худшая и самая опасная черта старой интеллигентской психологии — делить все на «правое» и «левое», под новыми обозначениями «старое» и «новое».

Я прибавил бы сюда еще деление на «реакционное» и «революционное».

И. Я. Савич, путая деление фактическое (в данном случае, — в плане хронологическом) с делением оценочным, находит в только что приведенных словах Г. В. Флоровского «логическую неувязку» («старая интеллигентская психология») и провозглашает, что всякая доктрина, «которая не оторвется от старого, которая сохраняет еще какие-то нити с прошлым идеалом, обречена на засыхание, на проклятую гибель.» «Прошлый идеал» — это «идеология до 1917 г.», «доктрина XIX века».

Как нарочно, XIX век, это — век торжества «нового» над всем «старым», век идей, идеологий, мировоззрений и доктрин, и один из наибольших пороков его, это — доктринерство!

Суд истории — великая вещь. Но стремитесь разобраться в самой сущности вещей, понять глубинный смысл этого суда, отделить подлинно осужденное и ложное от истины, которая, может быть, скрывается за осужденным и ложным. Но не пытайтесь просто поворачивать время свой нос по ветру, не отвергайте все старое только потому, что оно старое: «Ибо те новые идеи и новые слова, которые необходимы Новой

России, будут, вероятно, лишь вновь открытою, но зато по новому достигнутой древнею мудростью», как утверждает сам же И. Я. Савич вслед за проф. И. А. Ильиным. Впрочем, еще раньше он поясняет: «Новы» и древние, в веках оправданные мысли. «Стары» — и воззрения недавно родившиеся», и он приводит слова проф. И. А. Ильина: «Новое ценно не новизною своею, а целительной верностью».

К чему вся эта путаница? Не лучше ли прямо говорить об истинном и ложном, добром и злом, справедливом и несправедливом, верном и ошибочном?

Все, что пишет Савич о национализме, я могу лишь приветствовать; впрочем, за исключением термина «Русская истина», на мой взгляд, абсурдного, внутренне противоречивого. Лучшая черта нашего национального духа именно в том и заключается, что мы стремимся к подлинной истине, а не к какому бы то ни было суррогату истины, хотя бы и своего собственного производства. В наших исканиях, именно в этом и должен сказываться наш национализм; и еще, — в вопросах, по своей глубине не доступных научному исследованию, — в доверии к интуиции русского народа, проявившейся в веках русской истории. В остальном, чтобы сохранить свой национальный дух и облик, нам достаточно любить и уважать свой народ в непрерывном ходе его исторического развития: кто любит и чтит своего отца, тот не будет глумиться над тем, что было ему дорого, но проявит бережное отношение ко всему, что связано хотя бы только с его памятью.

С. Попацдопуло.

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ. «XV легион», Таллин, 1937 г.; «Голубь над Понтом», Таллин, 1938 г.

Об этих книгах уже писали, но, как

это ли странно, никто из рецензентов не подчеркнул их основного достоинства, благодаря которому они, в наше время, могут быть признаны являем, поистине, замечательным. Это достоинство заключается в том, что Ладинский этими книгами как бы напоминает художественной литературе об ее истинном назначении — назначении, о котором уже давно совершенно забыли и писатели, и критики. Эта основная задача эстетики заключается совсем не в том, чтобы изображать жизнь (как это думают теперешние критики и писатели), — а в том, чтобы представить в образах красоту жизни или, вернее, один из аспектов последней — возвышенное в жизни. Задачу эту Ладинский выполняет с великим искусством, и его книги проникнуты глубочайшей поэзией. Я не скажу — как выразились некоторые критики — что ценность Ладинского в том, что он одновременно и писатель, и поэт; не скажу я этого только потому, что это было бы равносильно утверждению, что можно быть художественным писателем и, одновременно, пошляком... На фоне всех этих, столь набивших оскомину, современных писаний, где на десятках страниц бессмысленно изображается, напр., как мужик завязывал онучу, — картины великих событий и характеров, набросанные Ладинским, производят волнующее и чарующее впечатление!

Автор тоже иногда описывает мелочи жизни, — но все они являются только средством и рамкой, для того, чтобы подчеркнуть основную идею: человек рожден для великих замыслов и свершений, и вся материальная сторона жизни — только обширное поле для проявления человеческого духа...

Следует указать также на «высокий эротизм» обеих книг, которым проникнуты, впрочем, и дру-